

ЭРИННА И ТРАГИКИ

У истоков литературного мифа о Эринне стоят эпиграмматисты Антологии III—I вв. до н.э. Асклепиад, Мелеагр, Антипатр наперебой расточают хвалы юной поэтессе, не скупясь на самые лестные сравнения («триста ее стихов равны гомеровским», «насколько Сапфо превосходит Эринну в мелосе, настолько Эринна превосходит Сапфо в гексаметрах»)¹ и противопоставляя «малую песнь» (βαῖον ἔπος — AP VII, 713) Эринны многословным творениям своих современников.² Биографические сведения, которые удается вычлени из этого потока славословий, крайне скудны, но звучат интригующе: девушка-затворница, которую суровая мать обрекла на сидение за прялкой и ткацким станком, сложила свой прославленный эпиллий в девятнадцать лет и вскоре после этого умерла, так и не выйдя замуж. Позднее автор словаря «Суда», воспринявший метафоры эпиграммы AP IX, 190 буквально, назвал Эринну «подругой и современницей Сапфо»;³ заманчивой версии о дружбе-соперничестве двух поэтесс отдали дань не только филологи,⁴ но и поэты нового времени.⁵

Впрочем, если фантастическая датировка «Суды» усилиями целого ряда ученых была отвергнута еще в минувшем столетии,⁶ то образ наивной девушки, слагавшей свои бесхитростные гексаметры за прялкой, в глухом уголке эллинского мира, вплоть до последнего времени оказывал на исследователей Эринны определяющее влияние.⁷ Образ этот не померк даже после того, как в 1928 году группа итальянских археологов во главе с Эваристо Бреччей в ходе раскопок Оксиринха обнаружила фрагменты папирусного свитка с остатками 54 стихов поэмы «Прялка»⁸ — *ορηγῆς μαγνῆ* и, по-видимому, единственного сочинения Эринны.⁹

Дав новый толчок изучению творчества поэтессы, эта находка отнюдь не разрешила накопившихся проблем: время и место рождения Эринны, а также аутентичность заглавия

ее поэмы до сих пор служат предметом полемики. Не имея возможности в рамках настоящей статьи обосновывать свой выбор, мы присоединяемся к абсолютному большинству ученых, считающих, вслед за сообщением Евсевия Памфила, временем *ἄκρι* Эринны середину IV в. до н.э.,¹⁰ а родиной поэтессы — дорийский остров Телос неподалеку от Родоса.¹¹

Сохранившиеся фрагменты Эринны носят тренодический характер.¹² Более точно жанр ее поэмы следует определять как *ῥόος* — особую разновидность погребальных причитаний, — исполнявшуюся, в отличие от трена и эпикидия, не профессиональным плакальщиком, а ближайшими родственниками умершего (чаще всего женщинами — женами, сестрами, матерями) и служившую выражению их собственной скорби.¹³ В плаче Эринны по Бавкиде,¹⁴ сверстнице и подруге, обнаруживаются все важнейшие элементы жанра: обращение к покойнику по имени (v.18, 30, 48, 54 папирусного фрагмента), наличие ретроспективного плана (картины безмятежного счастья двух подруг, их игр, будней и праздников — v.15—17, 21—27); описание скорби плакальщика, безрадостной жизни, ожидающей его отныне (v.18—20, 31—35); композиция, основанная на следующих одна за другою антитезах (о них речь пойдет чуть ниже); наконец, формульный рефрен-заплачка (v.18, 19, 31, 48, 54).

Спонтанный *ῥόος*, формой которого естественным образом служила устная импровизация, в отличие от других видов плачей не нашел себе места в ранней греческой лирике, оставаясь частью погребального ритуала и своеобразным жанром народного творчества. Тем не менее в литературу *ῥόοι* все-таки попали — в форме похоронных плачей, исполнявшихся героями эпоса и трагедии. Знаменитые *ῥόοι* «Илиады» (Т 287—300, X 431—436, 477—514, Ω 725—775)¹⁵ надолго послужили образцом для других произведений подобного рода; развитие трагического *ῥόος* традиционно соотносится с именем Еврипида.¹⁶

Таким образом, в дискуссии о «спонтанном и наивном» или, напротив, «продуманном и изощренном»¹⁷ характере творчества Эринны важное место занимает вопрос об источниках ее гексаметрического плача. Ориентировалась ли

поэтесса на подлинные обрядовые ὄροι¹⁸ или же на высокие литературные образцы?

Многочисленные гомеровские заимствования в языке и образной системе «Прялки» были отмечены уже Джероламо Вителли в комментариях к editio princeps;¹⁹ в 1982 году американская исследовательница М. Б. Скиннер указала, что мы имеем дело с прямой имитацией ὄροι героинь «Илиады», сопровождающейся существенной перестановкой акцентов.²⁰

Сопоставление поэмы Эринны с плачами греческой трагедии не дает столь же ощутимых результатов. Несмотря на то, что такие попытки предпринимались учеными дважды, тезисы о языковых параллелях между Эринной и Эсхилом (Х. Вара Донадо), а также Еврипидом (Л. А. Стелла) остались фактически необоснованными.²¹ Тем не менее нам кажется плодотворным путь первого из названных авторов, находящего следы влияния трагического стиля в использовании Эринной антитезы. Контраст счастливого прошлого и горестного настоящего является, как мы видели, необходимым мотивом уже фольклорного ὄρος; в «Прялке», однако — об этом позволяют с уверенностью судить даже уцелевшие *disiecta membra*, — перед нами предстает виртуозно выстроенная система противопоставлений, следы которой различимы на всех уровнях вплоть до звуковой организации текста. Едва ли не каждый образ в сохранившихся фрагментах поэмы несет двойную нагрузку: так, рассказ о том, как девочки инсценировали свадьбу кукол (v.21—22),²² соотносится с «настоящей» свадьбой Бавкиды, после которой она «забыла все» (πάντ' ἐλέλασσο, v.28) о детских играх и дружбе с Эринной; сама свадьба, в свою очередь, ассоциируется с похоронами — Эринна как бы теряет подругу дважды; в самом заглавии поэмы был, по-видимому, заключен двойной смысл.²³ Вот еще несколько более частных примеров:

— αἰ|αἰ (v.16) — возглас девочки, убегающей от подруги во время игры «в черепаху» / αἰαἰ (v.54) — крик плакальщицы;

— τα|ῦτά τῃ (v.18) / τα|ῦτά μοι (v.19);

— παίχνια... θέρμ' ἔτι (v.19,20) / ἀνθρακες ἦδη (v.20);

— γήραος ἀνθεα (v.46) — оксюморон;

— π|άνθ' ἐνός (v.53) — оксюморон.²⁴

Своего рода образцом антитетической композиции предстает эпитафия той же Бавкиде, дошедшая в Антологии под именем Эринны (AP VII, 712 = Peek 1910, 1—8):

Я — могила Бавкиды, невесты. К слезами омытой
Стеле приблизившись, так, путник, Аиду скажи:
“Знать, ты завистлив, Аид!” — и прекрасное это надгробье,
Странник, расскажет тебе злую Бавкиды судьбу.
Факелом свадебным тем, что светить Гименею был должен,
Свекру зажечь привелось ей погребальный костер,
И суждено, Гименей, перейти было звукам веселым
Свадебных песен твоих в грустный напев похорон

(перевод Л.В.Блуменау, с нашими уточнениями).²⁵

Авторство поэтессы в этом случае, как и в двух других (AP VII, 710 — еще одна эпитафия Бавкиде, AP VI, 352 — посвятельная эпиграмма), вызывает серьезные сомнения. В языке «Прялки» и трех эпиграмм, в Антологии приписанных Эринне, наблюдаются существенные различия: последний стоит гораздо ближе к литературному дорийскому, в то время как доризмы папирусного фрагмента отражают, по-видимому, родной диалект телосской поэтессы.²⁶ Пolemизируя с У. Виламовицем и В. Пеком, считавшими AP VII, 710 и 712 подлинными эпитафиями, М. Л. Вест высказал еще один, весомый аргумент: надпись на могиле Бавкиды должна была бы включать имена ее мужа и свекра, поставивших памятник, а отнюдь не имя «подруги» Эринны (AP VII, 710, 7—8).²⁷ Тем не менее цитированная эпиграмма написана «по мотивам» «Прялки» и, являясь своеобразным конспектом поэмы, заслуживает внимательного рассмотрения. Уже Вителли сопоставил ее со строками 48—54 папируса, от которых сохранились только две-три начальные стопы:

49. ἄν φλόγα μιν π|

50. φρυγᾶς αἰοῖσα ὀ|

51. ᾧ πολλὰν Ὑμέν|αιε

52. π|ολλὰ δ' ἐπιψαυ|

53. π|άνθ' ἐνός, ᾧ Ὑμ|έναιε

54. αἰαἰ Βαῦκι τάλαινα|α²⁸

На связь с эпиграммой указывают упоминание о пламени факела или костра (φλόξ), а также двукратное обращение к Гименею, за которым следует заплачка. Загадочную строку

50 пытались толковать по-разному: по мнению Вителли, речь идет о Кербере, по мнению Эриха Бете, — о сворах Гекаты. Итак, интересующие нас противопоставления «брачный факел — погребальный факел» и «эпиталамий — похоронная песня», лежащие в основе эпиграммы, находят соответствие и в папирусном тексте.

Этим образом в античной литературе была суждена долгая жизнь. Т. Сепеши, посвятивший им специальное исследование, указывает на целый ряд параллельных эпиграмм Антологии (прежде всего AP VII, 711 — Антипатр Сидонский; VII, 182 — Мелеагр; VII, 186 — Филипп; VII, 188 — Антоний Талл и IX, 245 — Антифан),²⁹ а также сходные пассажи у Гелиодора (II, 29, 4 — рассказ Харикла о судьбе дочери, тоже погибшей в день брака) и Апулея (Meth. IV, 33, 4 — 34, 1: описание свадьбы Психеи с неведомым женихом, на которую ее родня идет рыдая, словно на похороны).³⁰ Справедливо отмечая, что само по себе сопоставление свадьбы и смерти в античной литературе традиционно еще со времен Эсхила, венгерский ученый указывает на ряд характерных черт в трактовке этого мотива (упоминание о двух факелах, а также о брачных песнях, переходящих в похоронные; композиция, основанная на черед антитез) и, вслед за своими предшественниками, считает их новацией Эринны.

Нам хотелось бы оспорить это утверждение при помощи любопытной параллели из Еврипида. В «Троянках» (v. 308—352) среди общего плача по погибшему граду внезапно появляется Кассандра, распевая знаменитый эпиталамий (ср. двукратное обращение к Гименею в стихах 51 и 53 папируса, а также в приведенной выше эпиграмме). Невзирая на слезы матери, она зажигает брачный факел для своей свадьбы:

319 sqq. ἐγὼ δ' ἐπὶ γάμοις ἐμοῖς
ἀναφλέγω πῦρὸς φῶς
ἐς αὐγάν, ἐς αἴγλαν,
δίδοσ', ὦ Ὑμέναιε, σοί,
δίδοσ', ὦ Ἑκάτα, φάος,
παρθένων ἐπὶ λέκτροις
ἃ νόμος ἔχει.

В центре приведенного отрывка — противопоставление Гименея и Гекаты, усиленное анафорой и синтаксическим параллелизмом.³¹ Отвечая Кассандре, Гекуба также использует образ свадебного факела: следует ее обращение к Гефесту (v. 343—345):

Ἦραιστε, δαδουχεῖς μὲν ἐν γάμοις βροτῶν,
ἀτὰρ λυγρὰν γε τήνδ' ἀναθύσσεις φλόγα
ἔξω τε μεγάλων ἐλπίδων.

Словосочетание λυγρὰ φλόξ (в Палатинском кодексе «Троянок» — λικρά), очевидно, содержит намек на похоронный факел — еще одно, помимо обращения к Гименею и гипотетического упоминания Гекаты, совпадение с текстом папирусного фрагмента «Прялки».

Следует также отметить, что рассматриваемый мотив у Еврипида и Эринны едва ли восходит к общему обрядовому источнику. В самом деле, сопоставление двух факелов в «Прялке» целиком диктуется сюжетной ситуацией, не имеющей ничего общего с оплакиванием девушки, умершей в день свадьбы, и вообще настолько необычной, что в ритуале для нее просто-напросто не находится места.

Указанная параллель отнюдь не является единственной. Образ эпиталамия, переходящего в плач по покойнику, можно считать для трагической поэзии традиционным: см., напр., Aesch. Prom. V. 555—560; Agam. 707—711; Eur. Alc. 922—923; Hipp. 551—555; Iph. Aul. 1036—1097. В последнем примере, как и у Эринны, превращение свадебной песни в похоронную происходит на глазах у зрителя / читателя: после пространного эпиталамия, описывающего свадьбу Пелея и Фетиды (строфа и антистрофа), в эподе хор неожиданно обращается к Ифигении, при помощи ряда антитез предрекая ей смерть вместо брака.

Подведем итоги. По мере исследования мы все дальше уходили от образа неискушенной поэтессы, слагавшей стихи за прялкой. Характерный для предэллинистической эпохи интерес к фольклору сочетается у Эринны с широким использованием предшествующей литературной традиции. В гексаметре «Прялки», а также в ее языке, образах и композиции ощутимо влияние плачей гомеровских героинь; сложная, тщательно продуманная система противопоставле-

ний (счастье—беда, свадьба—похороны), равно как и отдельные ее элементы (два факела, эпиталамий и похоронная песня), отсылает к искусству трагиков, и прежде всего Еврипида — отца драматического *υόος*. При ближайшем рассмотрении ритуальные элементы в «Прялке» оказываются искусной имитацией: свои представления о фольклорном плаче поэтесса черпает не из гипотетических телосских обрядовых *υόοι*, а из соответствующих мест «Илиады» и трагедий.³²

Примечания

¹ AP IX, 190.

² См.: AP VII, 11 (Асклепиад; по всей видимости, предисловие к изданию поэмы Эринны); VII, 13 (приписана Леониду Тарентскому или Мелеагру); VII, 713 (Антипатр Сидонский); IV, 1, 12 («Венок» Мелеагра); VII, 12; IX, 190 (анонимы). Ср., кроме того, AP XI, 322, 3 (Антифан); IX, 26, 4—5 (Антипатр Фессалоникийский; перечень поэтесс); II, 108—110 (Христород Коптийский; описание статуи Эринны в термах Зевксиппа в Константинополе).

³ S. v. *Ἐριννα*. Аналогичное сообщение находим у Евстафия Солунского в схождениях к «Илиаде» (ad B, 711); много ранее Татиан (Adv. Graec. 33) называет Эринну лесбосской поэтессой. Оценку свидетельства «Суды» см.: Crusius O. *Erinna* // Pauly—Wissowa's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1907. Bd VI, 1. Sp.457—458.

⁴ См. об этом: Чистякова Н. А. Греческая поэтесса Эринна // Вопросы античной литературы и классической филологии. [М., 1966]. С.223—224; там же в примечаниях — список литературы.

⁵ Укажем на стихотворения «К Эринне» Александра Поупа, «Эринна—Сапфо» Эдуарда Мерике, «Эринна» Теодора де Банвиля, а также на идиллию Ю. Н. Верховского «Эринна», посвященную Ахматовой (Верховский Ю. Стихотворения. Том первый. М., 1917. С.59—60).

⁶ Первенство здесь, по всей видимости, принадлежит работе: Richter F. W. *Sappho und Erinna*. Quedlinburg; Leipzig, 1833.

⁷ Именно в таких тонах выдержана характеристика Эринны в труде У. фон Виламовица-Меллендорфа «Эллинистическая поэзия в эпоху Каллимаха» (Wilamowitz-Moellendorf U. von. *Hellenistische Dichtung in der Zeit des Kallimachos*. Berlin, 1924. Bd I. S.109. Anm. 2. В результате lapsus calami Виламовиц даже преуменьшает возраст Эринны, именуя ее семнадцатилетней поэтессой (Ibid.). Тенденция рассматривать поэму Эринны как своего рода «человеческий документ» присуща работам 20—50-х годов (А. Керте, С. М. Баура, П. Кодлар; соответствующие цитаты подобраны в ст.: Arthur M. B. *The Tortoise and the mirror: Erinna PSI 1090* // *Classical World*. 1980. Vol.74. P.54, n.9).

⁸ Папирус впервые опубликован Джероламо Вителли при участии Медеи Норса: *Bulletin de la Société Royale Archéologique d'Alexandrie*. 1924. № 24.

N.s. 7, 1; Vitelli G. *Frammenti della Conocchia di Erinna* // *Papiri della Società Italiana*. Firenze, 1929. Vol.IX. P.137—144 e tav. IV (с уточнениями). Библиография переизданий текста, а также отдельных дополнений и конъектур насчитывает более двадцати наименований; среди них прежде всего следует выделить публикацию Х. Ллойд-Джонса и П. Парсонса (*Supplementum Hellenisticum*. Berlin; New York, 1983. P.186—193), заново обследовавших папирус. В дальнейшем текст «Прялки» цитируется по этому изданию.

⁹ Заглавие *Ἠρακίτη* (строго говоря, «Пряслица», а не «Прялка»; возможен также вариант «Веретено» — именно такое значение слова у Гомера постулирует Р. Б. Онайнс (см.: Onians R. B. *In the Knees of the Gods* // *Classical Review*. 1924. Vol.56. P.6; ср.: *Lexicon Homericum* / Ed. H. Ebeling. Lipsiae, 1885 (репринт Hildesheim; Zürich; New York, 1987). Vol.I, s.v.: «Colus, al. fusus; sunt haec simillima atque vix discerni quaeunt») сохранил автор «Суды» (Ibid.). Дискуссия о принадлежности найденного отрывка «Прялке», а также о аутентичности заглавия суммирована в ст.: Cameron A. and Av. *Erinna's Distaff* // *Classical Quarterly*. 1969. Vol.19. P.285—288.

¹⁰ *Hieronymi Chron.*, s. CVII Olymp. (352—349 гг. до н.э.) В армянской версии хроники Евсевия названа предыдущая, 106-я олимпиада.

¹¹ Введем в комплекс проблем, связанных с поэмой, служит обзорная статья: Levin D. N. *Quaestiones Erinnianae* // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1962. Vol.66. P.193—204; см. также: Scholz U. W. *Erinna* // *Antike und Abendland*. 1973. Bd 18. S.15—40; West M. L. *Erinna* // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1977. Bd 25. S.95—119. Вопросам хронологии Эринны посвящена статья: Vara Donado J. *Cronología de Erinna* // *Emerita*. 1973. Vol.41. P.349—376; сам Вара Донадо, впрочем, склоняется к куда более ранней дате. Библиографии работ о папирусе: Levin D. N. *Quaestiones Erinnianae*. P.201; Pack A. R. *The Greek and Latin Literary Texts from Greco-Roman Egypt*: 2 ed. Ann Arbor, [1965]. № 365.

¹² Единственное исключение — два стиха о помии (рыба-лоцман), сохранившиеся у Афиня (VII, 283d); этим фрагментом у нас занимался А. В. Болдырев (см.: Болдырев А. В. Из истории античных поэтических напутствий // *Учен. зап. Ленингр. ун-та*. 1940. № 63. Серия филолог. наук. Вып.7. С.110—111). В дискуссии о принадлежности этих строк «Прялке» мы полностью присоединяемся к мнению Дж. Паука (Erinna's Distaff and Sappho fr.94 // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 1989. Vol.30. P.102—107).

¹³ О плаче — *υόος* см.: Reiner E. *Die rituelle Totenklage der Griechen*. Stuttgart; Berlin, 1938; Vermeule E. *Aspects of Death in Early Greek Art and Poetry*. Berkeley; Los Angeles; New York, 1979. P.15—16 and n.20; применительно к поэме Эринны — Skinner M. B. *Brieseis, the Trojan Women, and Erinna* // *Classical World*. 1982. Vol.75. P.265—272.

¹⁴ Две эпитафии Бавкиды, автором которых в Антологии названа Эринна (AP VII, 710; 712 = Peck 1910), помогают прояснить ситуацию: Бавкида покинула родной остров ради замужества и умерла на чужбине вскоре после свадьбы или незадолго до нее (см.: Wilamowitz-Moellendorf U. von. *Sappho and Simonides*. Berlin, 1913. S.230; Luck G. *Die Dichterinnen der griechischen Anthologie* // *Museum Helveticum*. 1954. Bd 11. S.171).

Наконец, позднее эхо этого мотива находим в «Ромео и Джульетте» (IV, 5).

³¹ Мы никак не можем согласиться с комментаторами, считающими (вслед за схоластиком), что Геката появляется в эпиталямии рядом с Гименеем как покровительница рожениц, отождествлявшаяся с Артемидой (см., напр.: Euripide. *Troyennes / Texte établi et traduit par L. Parmentier // Œuvres*. Paris, 1925. T.4. P.42 (Collection Budé; 9-me tirage — 1990)). В своем труде о Гекате Теодор Краус прямо утверждает, что эта богиня «не имеет никакого отношения к свадьбе» и советует интерпретаторам данной сцены не упускать из виду ее «мрачно-безысходный характер» и всю необычность эпиталямии Кассандры (Kraus T. *Hekate*. Heidelberg, 1960. S.88—89). В самом деле, смысл здесь, кажется, иной — Кассандра провидит скорую гибель Агамемнона и ликует, что будет отмщена. Мотив брака, несущего смерть, вообще традиционен для пророчеств Кассандры; ср. Aesch. *Agam.* 1156—7: *ἰὼ γάμοι γάμοι Πάριδος / ὀλέθριοι φίλων*, и др. См.: Lebeck A. *Oresteia*. [Cambridge (Maas.)], 1971. P.68—73.

³² В основу статьи лег доклад, прочитанный на заседании СНО кафедры классической филологии СПбГУ весной 1994 г. Автор благодарит проф. Н.А.Чистякову за поддержку, оказанную при написании работы, во многом полемизирующей с ее собственными научными взглядами.